

УДК 338:001.895 (4/8)
DOI: 10.17223/2312461X/14/8

РИСКИ И МАНЕВРЫ КОЧЕВНИКОВ ЯМАЛА *

Андрей Владимирович Головнёв

Аннотация. Ненцы обладают богатым опытом реагирования на экстремальные природные и социальные вызовы. Следствиями этих реакций были становление крупностадного оленеводства в XVI–XVIII вв., адаптация к советско-колхозным мобилизациям XX в., рост частных стад в постсоветское время. Ныне Ямал – крупнейший очаг оленеводства в мире, а ненецкое оленеводство представляется самым успешным опытом этнокультурного и экономического развития в Российской Арктике. Вместе с тем природные вызовы, в том числе гололед зимой 2013–2014 гг. и вспышка сибирской язвы летом 2016 г., дают повод говорить о «кризисе» ненецкого оленеводства, выражающемся в чрезмерном росте стад и истощении пастбищ. Биологи и администраторы убеждены в необходимости значительного сокращения поголовья оленей на Ямале. Автор статьи настаивает на том, что любые сокращения и преобразования в оленеводстве Ямала должны проводиться под началом ненецких лидеров оленеводства, которые располагают собственным опытом преодоления рисков и осуществления экстраординарных кочевых маневров. Бедствия, связанные с глобальным потеплением, сегодня относят к разряду регулярных рисков. В «стихийный год», когда южная тундра покрылась слоем льда, ненцы совершали экстремальные маневры для спасения своих стад. Прошлым летом им довелось пережить вспышку «болезни вздутия» (сибирской язвы), а затем административный крен к установке на сокращение поголовья оленей. Самое примечательно в реакции кочевников на вызовы – быстрое и решительное действие, нередко с расчетом на опережение. Кочевник не полагается на стороннюю помощь, а предпринимает маневр и на ходу ищет новые возможности. Для тундровой экосистемы и традиционной этносистемы органична динамика, а не статика. В отличие от промышленных сооружений, движение оленьих стад естественно для тундры.

Ключевые слова: ненцы, Ямал, кочевники, оленеводство, риски, маневры

Несколько лет назад ненецкое тундровое оленеводство представлялось едва ли не самым успешным опытом этнокультурного и экономического развития в современной Российской Арктике. Будучи глубокой традицией, оно пережило в своей истории целый ряд преобразований, проявив адаптивность и мобильность не только в пространстве тундр, но и в динамике перемен. В XVI–XVIII вв. самоеды-олeneводы, реагируя на политическое давление и отстаивая свою автономию, расширили пространство кочевий и нарастили поголовье оленей, вследствие чего сложилось крупностадное оленеводство. В XX в. они сумели выдер-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-01-00442а).

жать массовые конфискации оленей и коллективизацию, сохранив кочевание и частнособственнические устои (Головнёв 1989, 1997). В постсоветское время ненцы стремительно нарастили частное поголовье оленей, и ненецкое оленеводство, в отличие от чукотского или эвенкийского, пережило не упадок, а подъем за счет собственных (а не заимствованных и не пожалованных государством) ресурсов. Ныне Ямал – крупнейший очаг оленеводства в мире, а ненцы по-прежнему связывают свое благосостояние и смысл жизни с оленем.

Однако природно-климатические потрясения последних лет – гололед зимой 2013–2014 гг. и вспышка сибирской язвы летом 2016 г. – встревожили ненецкое сообщество и причастные к оленеводству службы настолько, что речь зашла о кризисе. Впрочем, «кризис» – понятие оценочное и информационное (иногда он создается или провоцируется самой «кризисной риторикой»). Для ненцев экстремальные обстоятельства – скорее норма, чем эксцесс. Гололеды и эпидемии – регулярные события в истории тундровиков: по их собственным подсчетам, гололед случается каждые четверть века, сопровождается массовым падежом оленей, а затем восстановлением поголовья стад; случаи сибирской язвы, некробациллеза (копытки) и других инфекционных заболеваний также довольно часты и даже предсказуемы (обычно они связаны с длительной жарой). Эти природные факторы по-своему регулируют тундровый ценоз, в том числе поголовье оленей. Иногда риски и трудности подталкивают к перспективным решениям (как в случае с крупностадным оленеводством), а вовсе не стагнации. Иначе говоря, ненцев рисками не напугаешь и кризисами не удивишь: кочевая культура включает технологии быстрого реагирования и маневра в экстремальных ситуациях.

«Стихийный год»

Осенью 2013 г. снег в ямальской тундре лег на две-три недели раньше обычного: после трехдневной метели 21–23 сентября он покрыл еще не промерзшую почву и уже не таял. 8–9 ноября прошел проливной дождь, насквозь пропитавший рыхлый снег и мягкую почву, а следом ударил сильный мороз, превративший поверхность тундры в ледяной панцирь. Дождь прошел полосой над южной тундрой Ямала, почти не затронув севера полуострова (за Юрибеем) и лесотундры (к югу от Обской губы). В декабре под Новым Портом пролил еще один «дождь-на-снег». Ледовый наст, сковавший южнотундровые пастбища, не таял до весны. По официальным данным, в ту зиму от истощения пало более 40 тыс. оленей (Sokolov et al. 2016: 124–126).

Если сегодня в разговорах тундровиков звучит выражение «плохой год» или «стихийный год», то речь идет о зимнем полугодии 2013–

2014 гг. По-ненецки это *сэрад'-но* – моровой (голодный, бедственный) год, или *салаба-но* – ледовый год. Гололед вызывает массовый падеж оленей от истощения из-за невозможности добыть корм из-под ледяного наста (*салаба*, *сэрадава*). По наблюдениям старожилов, такой ледовый мор случается периодически, раз в два-три десятилетия. Ненцы вспоминают *сэрадава* 1958 и 1977 гг., когда пало много оленей, и восстановление поголовья заняло несколько лет. Предугадать *сэрабт са-рё* – несущий обледенение осенний дождь, по словам ненцев, невозможно. Подобные стихийные бедствия кочевники связывают с непочтительностью к святилищам и покойникам.

И на этот раз гололед свалился на тундру, как гром среди ясного неба. Поначалу даже опытные оленеводы не могли оценить масштабов бедствия. Надежды на оттепель перемежались с расчетами возможных маневров в необледеленых участках тундры, известиями о погоде в соседних районах и наблюдениями за поведением оленей. Однако в ту осень сбылись худшие опасения: наст не таял, поверх него лег новый снег, и стало ясно, что «ледовую землю» (*салаба я*) следует покинуть как можно быстрее. Началась спешка, на маршрутах кочевий возникла сутолока, тем более что беспокойство охватило и самих оленей, разбредавшихся в поисках корма по сторонам, перебежавших от стада к стаду, скапливавшихся на холмистом хребте-водоразделе (*хой*) Ямала.

Выбор маневра – ответственность *уэсы ерв* (главы стойбища). Сколько бы советов и сведений он не получал, решение он принимает единолично. Осень – не самая удобная пора для экстраординарных решений, поскольку именно в это время кочевая тундра приходит в движение: оленеводы направляются на юг с летних пастбищ на зимние; если в сентябре можно стоять неделю, а в декабре месяц, то в октябрь–ноябре оленеводы непрерывно кочуют, делая длинные переходы и короткие остановки. Обычно осенние маневры состоят в избегании столкновений и смешений стад при быстром прохождении по маршрутам кочевий. Особенно расторопны частники, вынужденные уворачиваться от многооленных общественных (в прошлом совхозных, ныне муниципальных) бригад. В это время удобнее кочевать в общем потоке, тогда как любое изменение маршрута (тем более до противохода) грозит почти неминуемым столкновением с другими стадами. Между тем разворот на север, где не прошел ледяной дождь, был одним из рискованных, но тактически удобных маневров. Несколько частников и 6-я яраслинская бригада во главе с бригадиром А.П. Худи, несмотря строгое предписание следовать установленному маршруту и распоряжения из райцентра, развернулись на север, перезимовали на летних пастбищах и почти полностью сохранили свои стада (Перевалова 2015: 42). Остальные продолжали миграции на юг, нередко сталкиваясь, теряя оленей и вообще контроль над происходящим. К полуторатысячному стаду Сер-

гея Сэротэтто к ноябрю прибилося около 2,5 тыс. чужих оленей, которые обременяли его дополнительной ответственностью и отягощали маневры.

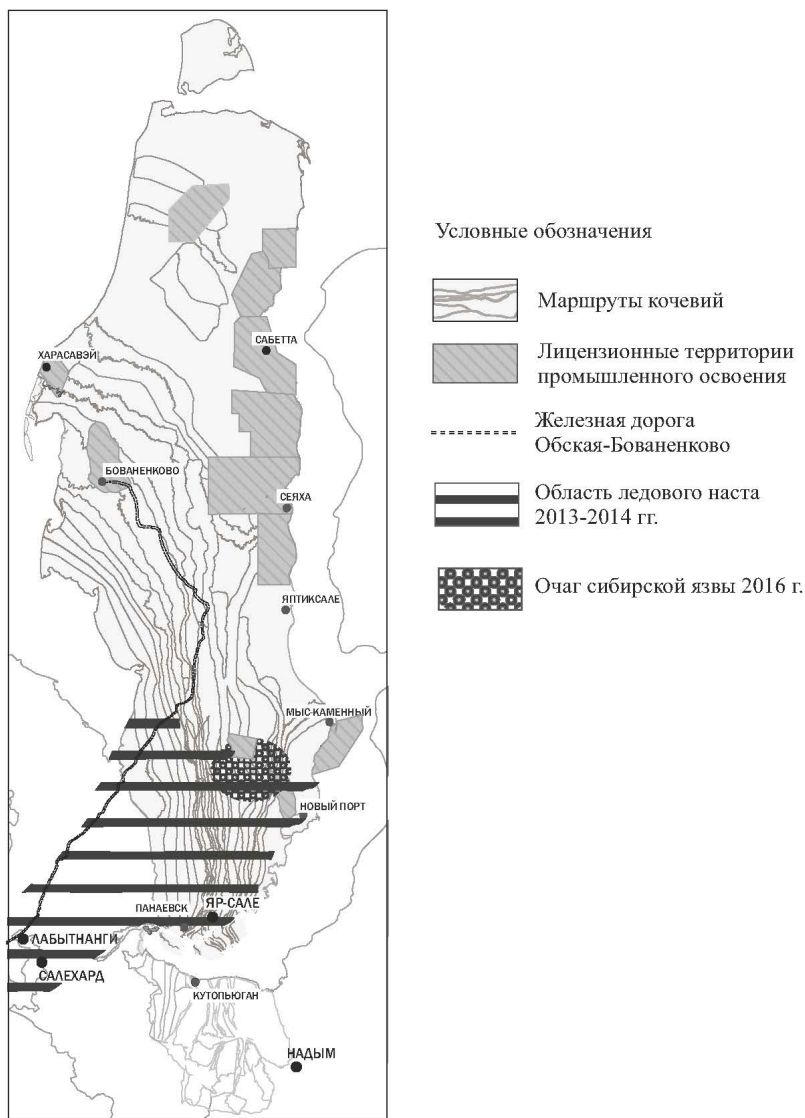

Рис. 1. Ямал: кочевья оленеводов и районы бедствия

У южной кромки Ямала бригады и частники сгрудились в ожидании перевалки через Обскую губу на Хэнскую (Надымскую) сторону, в лесотундру. Оттуда поступали разные вести (благо, ныне во многих райо-

нах тундры действует мобильная телефонная связь): хорошие состояли в том, что осенний дождь, хоть местами и прошел, не оставил ледяного наста; плохие сообщали о глубоком снеге и продолжающихся снегопадах, также чреватых бескормицей и мором оленей, особенно молодняка. Оленеводы колебались: одни проводили рекогносцировки на Ямале в поисках свободных от ледового панциря пастбищ (например, в холмистой местности у озер Яро-то), другие выбирали момент и направление перевалки через Обскую губу шириной 70 км. Пока караваны шли по Ямальской стороне, олени падали редко – у них еще оставались силы от летнего нагула (хотя и он был испорчен сильной жарой).

Массовый падеж начался при перевалке через Обскую губу. Пастух Эдуард Вануйто (3-я ярсалинская бригада) рассказывал: «Из северных бригад мы переваливали Обь первыми. Шли почти сутки. На губе был основной падеж. Те олени, что смогли перейти на Хэнскую сторону, сбили ноги и были настолько обессилены, что не могли добывать ягель. Когда аргиши [караваны] развязывали, пристяжные быки ложились и уже не вставали... В бригаде погибло 40 ездовых быков. Следовавшие за нами бригады переезжали губу на снегоходах, а не на оленях, стада гнали отдельно». По воспоминаниям других оленеводов, «переправа и Хэнская сторона выглядели как зона боевых действий, губа была усеяна трупами оленей!» (41). Первыми в глубоких снегах начали гибнуть ослабшие на ямальских переходах телята, за ними – быки; дольше других держались важенки (самки).

Напарники-частники Сергей и Александр Сэротэтто, переправившись через Обскую губу, двинулись в сторону Кутоп-Югана, рассчитывая, что сберегут оленей на холмистых ягельных пастбищах в верховьях Ёр-яхи. Однако обстановка оказалась хуже ожиданий – в «плохой год» к обледенению тундры добавилось многоснежье в лесотундре. По описанию А. Сэротэтто *«сугробы были по пояс, посох полностью уходил в снег... Телята все погибли. Они же не ели, падать начали. Пока мы шли по Ямальской стороне, они еще не падали. До Хэнской стороны дошли нормально, я ни одного оленя на нарту не посадил. [Когда] на Кутоп поехал, начали потихоньку падать. Телята, потом быки. Его разрезаешь – все кишки пустые. И сала вокруг сердца нет... Народ запаниковал»*.

Замечание «ни одного оленя на нарту не посадил» содержит нечто большее, чем заботу пастуха о стаде. Часто представляется, что оленеводы просто пасут оленей, которые при этом сами кормятся, а тяготы кочевой жизни состоят лишь в неустроенности быта и экстремальных температурах, особенно среди долгой полярной ночи. В действительности главные трудности для оленевода начинаются, когда стадо попадает в беду. Развитое у ненцев «оленье мышление» (Головинёв и др. 2015) начинает работать во всю силу и заставляет людей нести изнуритель-

ную вахту по спасению оленей. Тогда и случается, что не олени везут людей, а люди перевозят на нартах ослабевших оленей.

Зима «стихийного года» была почти целиком посвящена спасению стада. В лесах на Хэнской стороне ягель был почти недоступен из-за глубокого снега, и пастухи постоянно объезжали (на снегоходах) окрестности в поисках участков холмистой тундры, где отыскивали доступный для оленей корм. При этом оленевод не полагается на то, что олени сами найдут подходящее пастбище, а ежедневно объезжает дальние и ближние угодья, раскапывая снег и ныряя в глубокие ямы так, что наружу торчат только его меховые кисы.

Пока мужчины рыскали в поисках пастбищ, женщины и дети подкармливали оленей на стойбище. Некоторые важеньки буквально не отходили от чума – женщины варили им уху из рыбы (*евай, ванай евэй-да*). «Целыми днями все на стойбище кормили оленей; варили не один котел, а два-три в день». Обычно олень, который не был ручным (*нав-ка*) и с детства не ел с рук, к рыбьей ухе не притрагивается; «но когда у него кишки уже пустые, он может поесть». На стойбище Сэротэтто один олень уже перестал вставать, лег и не двигался. Хозяйка налила в таз ухи, добавила хлеба и подвинула к морде оленя. Он сначала отвернулся, но она настойчиво придвигала таз все ближе. Он понюхал и начал есть. «Неделю оленя этого кормили, и он встал на ноги. Ему в уху еще ягеля добавляли, этому оленю».

Один из сыновей Сэротэтто каждое утро брал лопату, раскапывал снег и собирал на дне ям ягель для оставшихся в живых оленят. Другие дети собирали мох со стволов деревьев. Иногда валили лес, чтобы олени могли сами объедать мох со стволов. Перед обратной весенней перевалкой через Обскую губу взрослые и дети собирали ягель в мешки и при кочевке через губу сыпали его на лед для подкормки.

Для некоторых оленеводов зимний падеж означал катастрофу, как это случилось с оленеводом из Новопортковской тундры, потерявшим 230 оленей из 250. Он уже не способен был кочевать, остался в своем чуме посреди тундры и ждал милости от родни. У одного из видных оленеводов, оставшегося по нерасторопности зимовать в южной тундре, из полутора тысяч оленей к весне уцелела сотня, и он от отчаяния едва не покончил жизнь самоубийством; невольно вспоминается, что у слова *сэрадава* (обледенение) есть однокоренное *сэрада* (овдоветь).

Тем, кто после изнурительной зимовки двинулся на весеннее кочевье, предстояло новое испытание. Истощенные олени едва шли, и любое лишнее усилие или ошибочное действие могло привести к их гибели. Обычно каслание через Обскую губу по четырем дорогам (*сехэры*) начинается в середине марта и завершается к концу апреля, перед ледоходом. На этот раз оленеводы не спешили переходить с Хэнской сторо-

ны на Ямальскую: там их ждала та же обледеневшая тундра, которую они миновали прошлой осенью.

Один из вариантов маневра, который осуществила 19-я бригада Петра Ядне (и частично 15-я бригада), состоял в том, чтобы вообще не переправляться на Ямал. Это было скорее вынужденное действие, чем продуманное решение: 19-я бригада готовилась к перевалке одной из последних и опоздала – Обская губа вскрылась (пошла шуга). Летовка в лесотундре обернулась множеством трудностей. Олени, привыкшие к миграции, буквально лезли в Обскую губу, и стадо пришлось неоднократно отгонять от берега. Кроме того, по замечанию А.С. Сэротэтто, если лесная важенка после отела в воду не идет, то тундровая «прет по воде и тащит за собой теленка», который нередко гибнет. 19-я бригада потеряла всех родившихся на Хэнской стороне оленят.

Общим маневром стал скоростной проход по южной тундре к «открытой земле» (свободной от ледяного панциря). Однако начавшееся резкое потепление привело к тому, что оленеводы столкнулись с «открытой водой» – вышли к бурлящим рекам там, где готовились пройти по льду. Александру Сэротэтто пришлось соорудить мост (*нул*) для переправы стада через Хадыту. Откочевав от Яр-Сале в середине мая, он напрямик проходил маленькие речки, но перед Хадытой остановился: «Эта река упрямая. Хорей опустишь в воду – дна не найдешь». Из растущих по берегам деревьев соорудил понтонный мост, скрепив стволы комлями к вершинам. Поверх сделал настил из срубленных ветвей, заткнув щели между стволами. Слой веток накрыл дорнитом (синтетическое полотно для железнодорожной насыпи). Первым по понтонному мосту прошел снегоход «Ямаха», за ним последовал караван нарт с запряженными парами оленей (ширина моста позволяла двум быкам идти бок о бок). За караваном двинулось стадо, числом в 300 голов, уменьшившееся вдвое после зимовки. Переправа прошла благополучно – лишь одна важенка упала в реку, но зацепилась рогами за мост и была спасена. Только что народившиеся телята тоже перешли на другой берег по мосту. Их было немного: в ту весну у важенок в основном были выкидыши, а телят родилось не более трех десятков. Важенки от слабости плохо следили за телятами, часто бросали их там, где рожали. Пастухам приходилось придерживать стадо с головы (с севера), давая возможность важенкам и оленятам нагнать его. Движение замедлялось еще и потому, что на аргиш не хватало быков, часть которых пала зимой, а часть обессилела.

И все же прогон оленей через зону гололеда был рывком. Пастухи оставляли позади свои чумы и безостановочно гнали стадо на север, в направлении отельных пастбищ, по несколько суток без сна, налегке, часто сами голодая. По воспоминаниям братьев Сэротэтто, пастухи сами почти не ели, маслом кормили собак-оленепонок, игравших ключе-

вую роль в прогоне и окарауливании стада (только они были способны собрать голодных, разбегающихся к темным проталинам оленей). Движение осложнялось дождями и снежными буранами: *«Когда подходили к отельному пастбищу, ударила пурга. Голова стада хорошо идет, а зад приходится подгонять. Пурга усиливается, но мы уже пришли. Олени сами хорошее место нашли: там была смерть, а тут – жизнь».*

Успешный прорыв на весеннее отельное пастбище означал спасение стада. Ради этого оленеводы полгода боролись с нагромождением трудностей, а в конце даже бросали свои чумы и только вели стадо. Домашние аргиши подоспели позднее, ведомые не оленями, а снегоходами. Кстати, снегоходы в «стихийном году» прошли суровое испытание и заслужили немало похвал: «Нам “Буран” помог... Не будь “Бурана”, олени бы разбрелись». На снегоходах везли и аргиши, избавляя оленей от гужевых нагрузок. Это тоже входило в план «спасения стада».

Именитый оленевод-бригадир Нядма Худи, сам понесший серьезные потери, отмечает преимущества частных хозяйств перед общественными бригадами. Его 4-я бригада в тот год (и на следующий) не дошла до своих летних приморских пастбищ на западе Ямала (тундра Я-Сале).

«Мы два года не доходили до моря. Самое плохое, что был не только падеж, но и ранняя весна. Зимние тяжелые нарты невозможно вести по проталинам. Потом оленята начали рождаться, мы замедлили ход. Олени были слабые... Только частники проходили, бригады все задержались. Частники бежали вперед, освобождая пастбища подходящим бригадам. Получилось, что они прошли на свои летние пастбища. Бригада – это большой табор. Пока ждешь, чтобы все собрались, свои дела закончили, время уходит. Частник никого не ждет, не тормозит. Собрался и уехал» (Н.Н. Худи, март 2016 г.).

Преимущества коллективизма в экстремальных обстоятельствах выражались иначе. В «стихийный год» вся тундра была сплочена общим испытанием: *«Беда общая была. Кто кому мог, помогал. Собирались бригадами, чтобы помогать друг другу. Друг другу оленей собирали и отдавали – бригады, личники, ярсалинские, панаевские. Если бы ссоры были, оленей не собрали бы. В тундре люди не должны ссориться».* Примечательно, что весной 2014 г. все же решились провести «праздник» – День оленевода – в окруженном обледелой тундрой райцентре Яр-Сале. И даже гонки на оленьих упряжках состоялись.

Число оленей на полуострове сократилось за «плохой год» на 43,2 тыс. голов – с 278,50 тыс. в 2013 г. до 235,306 тыс. в 2014 г. Вдоль Обской губы от Панаевска до Нового Порта летом 2014 г. выстроилось более сотни чумов оленеводов, потерявших оленей; 208 кочевых семей стали вынужденными рыбаками, промысляющими на озерах и Обской губе (Перевалова 2015: 42). По оценкам тундровиков и специалистов оленеводства, после массового падежа на восстановление оленьего по-

головья при благоприятных условиях уходит 5 лет, при неблагоприятных – 10. На этот раз это случилось гораздо быстрее, всего за год. Однако за восстановлением последовали новые потрясения.

Летнее кочевье Нядмы Худи (северная тундра)

Зимнее кочевье Тохчи Худи (южная сторона)

«Болезнь вздутия»

Сибирскую язву (антракс), чуму и холеру ненцы обобщенно называют болезнью вздутия или опухоли (*поса хабча*). В мифологии болезни считаются детьми бога *На* – Отца семи смертей (*Си'ив нга нися*). Помимо духа сибирской язвы *Поса на*, в мрачное семейство Отца смертей входят духи *Мерё-на* (Оспа), *Си-на* (Цинга), *Ходэ-на* (Кашель-туберкулез), *Тэм-на* (Ломающий кости, Воняющий), *Нярм-на* (Красные пятна), *Лека-на* ('Копытка', некробациллез), *Хэду-на* (Болезнь, убивающая в одну ночь всех людей и оленей). В сказаниях духи смерти живут за семью слоями мерзлоты или на стойбище из семи красных чумов. По опыту оленеводов, вспышку заразной болезни вызывает жара (*ендя*), мучительная для оленей и людей. В прежние времена в жару ненцы умиловывали бога южных вод *Яв'мала*, ударяя по воде саблями и прося умерить зной.

Противостоять духам болезней мог только *тадибе* (шаман). Для обычных людей способом избежать заражения было бегство: кочевники бросали трупы оленей, оставляли умерших людей в чуме, стянув его верхушку железным обручем, и отъезжали в дальние тундры. Семь лет гиблое место, считавшееся открытой дверью в нижний мир, никто не посещал. Традиция поощряла стремительный отъезд с места (стойбища), пораженного болезнью, и предполагала всяческое избегание контактов с больными людьми и оленями. В советское время ямальские ненцы (*хой*, «каменные») старались не контактировать с тазовскими (*тасинянг*, «низовые») только потому, что на Гыдане, по их сведениям, было много *вэян хабча* (болезнь крови, бруцеллез), и условная граница между *хой* и *тасинянг* проходила по реке Надым.

Кое-что в ненецкой мифологии выглядит рационально. Например, представление о том, что болезни покоятся за слоем вечной мерзлоты, а активизируются на жаре, что лучшая тундровая профилактика – миграция в чистое место. Все эти традиции неожиданно ожили летом 2016 г., когда на Ямале стояла продолжительная жара (за 30°C), таяла мерзлота и мучились олени.

7 июля 2016 г. в центре Ямала, в районе озер Ярато, неподалеку от фактории Тарко-Сале, на летнем стойбище, состоящем из 12 чумов, пал олень (по другим данным, падеж начался в июне и усилился на июльской жаре). Вскоре олени стали падать десятками, и берега соседних озер Едван-то и Письё-то покрылись гниющими тушами. Падеж приобрел массовый характер, оленеводы наконец дозвонились до районных властей (первый звонок от оленеводов-частников извещал о гибели 60 оленей), и 16 июля в тундру прибыли ветеринары. 24 июля на основании собранных ими образцов специалисты ВНИИ Россельхозакадемии поставили диагноз – «сибирская язва». К тому моменту пало 1200 оленей. 25 июля в Ямальском районе был объявлен карантин и началась эвакуация людей. 28 июля в аэропорту Салехарда совершили

посадку четыре грузовых самолета ИЛ-76 с двумястами специалистами войск радиационной, химической и биологической защиты. По железной дороге Обская–Бованенково эти подразделения со спецоборудованием были переброшены на станцию Владимира Нака (разъезд 15), в 55 км от очага заражения. В их распоряжение были переданы 30 единиц спецтехники и четыре вертолета МИ-8.

На стойбище, где еще недавно мирно бродили люди и олени, началась спецоперация, включавшая меры по дезинфекции, вакцинации и эвакуации. Более 40 ветеринаров, разделенных на 15 бригад, проводили экстренную вакцинацию оленей окрестных стад. Из 12 чумов были эвакуированы и госпитализированы 63 чел. (затем еще 40). Жертвами болезни стали 12-летний мальчик и его бабушка. Остальные вернулись в тундру, правда, уже не в свои чумы (которые были сожжены со всем скарбом, меховыми постелями, нартами и одеждой), а во вновь поставленные. Территория предполагаемого заражения была закрыта на карантин. Всего в июле 2016 г. от сибирской язвы пало 2 349 оленей (http://vesti-yamal.ru/ru/vjesti_jama...tiy156169#t20c).

Первым диагнозом (ветеринаров) была гипертермия. В те же дни из-за жары на соседнем с Ямалом Гыдане тоже начался падеж (около 600) оленей, но там был диагностирован не антракс, а пастереллез. Когда стало ясно, что на Ямале объявилась сибирская язва, дремавшая с 1941 г., возникла версия о том, что олени набрали на оттаявшее погребение с бациллами близ оз. Ярато (<http://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/ia...2016-07-27.pdf>). В любом случае зомби-инфекция была извлечена на свет из погребенных слоев тундровой почвы из-за потепления и таяния вечной мерзлоты, хранившей споры сибирской язвы. Распугивать оплывшую почву и способствовать переносу заражения могли какие угодно обстоятельства и действия, от грызунов и насекомых до гусениц вездехода, но очевидно, что активизация бацилл стала следствием глобального потепления и аномальной жары на Ямале.

Поиски истоков угрозы, а заодно виноватых, первоначально распространялись и на чиновников, которые в 2007 г. отменили в Ямало-Ненецком округе вакцинацию против сибирской язвы. Впрочем, на то были свои резоны: болезнь не обнаруживалась на Ямале 70 лет, а в 1968 г. округ был официально внесен в список «чистых» от сибирской язвы территорий СССР. Тем не менее заместитель главы Россельхознадзора Николай Власов назвал основными причинами вспышки болезни отсутствие вакцинации и плохую связь (ветеринары узнали о происшествии лишь через пять недель после вспышки болезни) (<https://regnum.ru/news/innovatio/2162577.html>).

Вскоре тон и формат обсуждения обновился. Виновными в происшествии оказались сами пострадавшие – олени, вернее оленеводы, которые развели слишком много оленей, ставших угрозой экологическому благо-

получию полуострова. При участии биологов, которые по-своему ответственно заявили о перевыпасе и угнетенном состоянии пастбищ на Ямале, администраторы и журналисты перевели разговор в плоскость экологической катастрофы: «угроза благополучию – избыток оленей».

Такого еще не было: в прежние времена многооленность считалась достоинством, а малооленность – бедой (с поправкой на режим: до революции многооленными были оленщики-*тэты*, после – колхозы и совхозы). Изнаночная риторика зазвучала неожиданно, будто караван пошел задним ходом, но вполне убедительно: многооленность предстала кризисом, требующим срочного сокращения поголовья. Сам по себе эпизод переключения регистра риторики примечателен, во-первых, легкостью замены прежней установки в атмосфере паники; во-вторых, эффективностью информационной политики в расстановке действующих лиц (оленеводы вдруг оказались в роли оправдывающихся); в-третьих, впечатляющей траекторией превращения биологической угрозы в социальную.

«Болезнь вздутия» приобрела метафорическое звучание, когда вслед за бациллами антракса на оленей ополчились ученые, чиновники и журналисты. Впрочем, далеко не все эксперты поддержали аргументы биологов в пользу незамедлительного сокращения поголовья оленей. Автор данной статьи на совещании у губернатора Ямало-Ненецкого округа в августе 2016 г. утверждал, что многооленность – триумф ненцев и достоинство региона, а сокращение поголовья, если целесообразно, должно проводиться под началом и контролем самих оленеводов и прежде всего их «вождей» (*ерв*) – лидеров оленеводства. Расхождения во взглядах экспертов понятны, поскольку биологи рассуждают «от природы», а этнологи – «от народа». Оба эти измерения актуальны, и полемика между ними предполагает не выбор «единственно верного» мнения, а оптимизацию этих позиций и учет стоящих за ними факторов и интересов.

Как бы то ни было, отныне риском для кочевников-олeneводоов стал их успех. В постсоветское время, когда многие отрасли отечественного производства пришли в упадок или были замещены импортными образцами, тундровое ненецкое оленеводство пережило впечатляющий подъем на основе собственного этнокультурного потенциала. В сравнении с изначально сходной ситуацией на Чукотке, испытавшей катастрофический спад в оленеводстве, Ямал продемонстрировал бурный рост стад и достиг грани перепроизводства. Когда на недавней пресс-конференции я спросил журналистов: «Назовите другую отрасль в России, которая на собственном потенциале достигла перепроизводства», прозвучал ответ: «Чиновничество».

Ненецкое оленеводство находится сегодня, с одной стороны, в зените своего развития, с другой – в точке риска из-за перевыпаса и стихийных бедствий. Не менее значимы в определении его перспектив иные внешние факторы: конфликтно-контактное взаимодействие с ТЭК и

«притяжение оседлости», включающее учебу, работу и жизнь в поселках и городах. Нынешняя ситуация выглядела бы «обычным кризисом», за которым последует восстановление, если бы не два обстоятельства.

1. За последние десятилетия тундра Ямала стала территорией газонефтедобычи, и судьба пастбищ и оленеводства оказалась не только в зависимости от экспансии промышленников.

2. Ненцы и сторонние специалисты по оленеводству всегда стремились к наращиванию поголовья оленей, полагая, что «много – это хорошо», тогда как сегодня ставится задача сокращения стад ради спасения пастбищ и самого оленеводства. До тех пор, пока у ненцев и оленей не было конкуренции в лице разработчиков недр, их судьба принадлежала во многом им самим; сейчас оценки и рекомендации существенно мотивируются интересами промышленников и конкуренцией за территории и приоритеты.

К числу издержек ненецкого успеха относятся перевыпас и пастбищный дефицит. Впрочем, это в равной мере следствие успеха разработчиков недр, под нужды которых изъяты из обращения значительные площади тундры Ямала. Достижения в оленеводстве, даже под воздействием шока от вспышки сибирской язвы, не теряют своей значимости и перспективы, как и Ямал остается центром мирового оленеводства.

Сегодняшняя тревожная ситуация в оленеводстве Ямала связана с недавно принятым в округе Законом об оленеводстве (в новой редакции), предполагающим создание реестра пастбищ и кочевий с учетом как государственных (муниципальных), так и частных хозяйств – в законе впервые закреплено понятие «личные оленеводческие хозяйства». Тем самым возможно разрешение главного конфликта ямальского землепользования – между формальным правом на пастбища муниципальных оленеводческих предприятий (МОПов) и реальным преобладанием частных. Легализация всех действующих лиц тундрового оленеводства с предоставлением им адекватных прав и возможностей окажется не простым мероприятием, но откроет путь к сбалансированному распределению ресурсов и ответственности, ограничивающих бесконтрольное наращивание поголовья и выбивание пастбищ. При этом условия реально распространение на всю тундру этической установки оленеводов *я пуна хаёда* (земля после нас остается) как кредо хозяйски бережного отношения к пастбищам вместо распространившегося в последние годы определения *яда тахабэй* (земля перевернута) как характеристики испорченных пастбищ.

«Нелегальное» (нерегламентированное) положение частных служит скрытым механизмом бесконтрольного наращивания поголовья и «конкуренции без правил». Их «выход из тени» не только разрешит путаницу в использовании пастбищ и режиме миграций, но и активиру-

ет ресурс влияния частных, многие из которых обладают большими стадами и высоким авторитетом. Нередко частники – бывшие бригады, обладающие согласованными возможностями использовать, причем с опережением, маршруты своих бывших бригад.

Вместе с тем богатый жизненный опыт подсказывает частникам, что административное вмешательство в оленеводство счастья не сулит. В ходе полевых работ в тундре весной 2016 г. мне довелось слышать опасения ненецких старейшин относительно возможных угроз: многие видели в новой редакции закона не столько заботу об оленеводах, сколько шаг к «раскулачиванию» – сокращению стад, в первую очередь личного поголовья. Следует учитывать, что любые экспроприации конфликтогенны и чреваты каскадом негативных последствий, в том числе для имиджа ЯНАО.

Частное поголовье оленей в округе превышает общественное, и это преобладание растет: в начале 2015 г. общественных оленей было около 300 тыс., частных – 370 тыс. (всего 670 тыс.), в начале 2016 г. общественных – около 305 тыс., частных – 425 тыс. (всего более 730 тыс.). Правда, картину доминирования частных дают главным образом гыданские оленеводы: в Тазовском районе частное поголовье почти вчетверо превышает общественное: на 2016 г. из 243 тыс. гыданских оленей было 194 тыс. частных и 47 тыс. общественных. В Ямальском районе успехи частных скромнее (точнее, позиции МОПов сильнее): в начале 2015 г. из 235 тыс. оленей 153 тыс. числилось в общественных стадах, 81 тыс. – в частных; в начале 2016 г. из 255 тыс. общественных было 159 тыс., частных – 94 тыс. (остальные отнесены к разряду «фермерских», тоже по существу частных).

Статистика не раскрывает многообразия оленеводческих связей и взаимодействий, не говоря уже об интересах и мотивах. Между тем они различаются у бригад МОП и частных, у кочевников длинных и коротких маршрутов, у состоятельных и бедных оленеводов, у занятых промыслами и торговлей, у полупоселковых и полутундровых. Среди оленеводов есть те, которые своим магистральным движением обеспечивают целостность ямальского оленеводческого комплекса, а также те, которые представляют собой вторичные ветви, в том числе занимающиеся рыболовством на богатых угодьях. Оленеводы различаются в своих мотивациях наращивания стада: для одних приоритет состоит в приплоде и увеличении маточного поголовья; другие озабочены сдачей пантов и выражают пристрастие к «пантовому оленеводству»; для третьих особенно значима ездовая часть стада, в том числе беговые спортивные упряжки; четвертые наращивают стадо для обеспечения независимости и статуса в «шахматной игре» кочевий, когда большое стадо имеет преимущества перед малыми в скорости движения, превосходстве при смешении стад, удобстве окарауливания (особенно в месяцы комара и овода). Согласованная регламентация выпаса и миграций

служит системой безопасности, снижающей уровень персональной тревоги и, соответственно, мотива наращивания стада.

При рассмотрении многооленности как фактора риска следует иметь в виду не абсолютное число оленей (с расчетом площади тундры на «оленью душу»), а крены и провалы в динамике и ритме движения стада. Если из-за гололеда стада сгрудились на хребте Ямала или у холмов Ярато, то это аномальное скопление становится фактором перевыпаса; если они к тому же ослаблены переходами по гололеду или жаре, то подвержены болезням и падежу, следовательно, образуют очаг потенциального заражения. В кочующей тундре, как на корабле, крушение может произойти из-за перегруза на одном борту. Тундровой экосистеме и традиционной этносистеме органична динамика, а не статика. Всякая задержка нарушает общий ритм движения, а стационарные сооружения куда значительно ранят тундру, чем проходы больших оленьих стад. Иначе говоря, не общая масса стада, а режим его движения определяет экологическое благополучие тундры. Не исключено, что есть связь между перевыпасом и антраксом, но не на уровне общего соотношения оленей и пастбищ, а в конкретной ситуации перегруза окрестностей Ярато.

Ни ненцы, ни их олени не повинны ни в гололеде, ни в сибирской язве. Пожалуй, лишь глобальное потепление может претендовать на роль фактора или провокатора этих бедствий. Ответом на тот и другой вызов стали маневры кочевников, при участии других действующих сил, и собственно соотношение рисков и маневров представляет как научный, так и практический интерес.

Самое примечательно в реакции кочевников на вызовы – быстрое и решительное действие, часто с расчетом на опережение. В этом можно видеть жизненную позицию кочевника: не полагаться на стороннюю помощь и не останавливаться, а двигаться и на ходу искать новые возможности. В самый напряженный момент «ледяного испытания» ненец, оказавшийся позднее победителем в «гонке с гололедом», говорил бригадиру, в итоге проигравшему, буквально следующее: *«Давай, не будем себе плохое внушать, все можно поправить. Нельзя ни паниковать, ни сдаваться. Надо рыпаться [пытаться. – А.Г.]. Ждать нельзя»*. Другой оленевод-ерв, достойно выдержавший бедствия «плохого года», свой рассказ о решающем эпизоде начинает со слов: *«Я звоню: “Не могу ждать, иду”. Решили: гоним. Без чума пошли»*. В этой обрывистости звучит толчок от решения к действию. Движение – кочевье – сколь бы ни было изнуряющим, держит оленевода в тонусе и решительном настроении. Как только движение прекращается из-за потери оленей, кочевник оказывается буквально на грани жизни и смерти (один из проигравших в «плохой год» трижды пытался покончить с собой).

В номадизме, как в экзистенциализме, «каждый кочует в одиночку», хотя и опирается на силу родства и партнерство соседства. Оленеводы уверяют, что олени лучше выжили в дружных семьях: «Если что-то в семье не так, можно и детей и оленей потерять». Отношение к оленям (и с оленями) многопланово встроено в ненецкую систему родства (включая наименование родов по оленьим характеристикам, обычаи наследования и собственности на оленей, учет родства по меткам на оленьих ушах), но наиболее отчетливо это общее для людей и оленей «родство» проявляется в критических эпизодах.

В рассказах о пережитых испытаниях ненцы одобрительно отзывались о технических новшествах, особенно снегоходах и мобильных телефонах. В «стихийном году» снегоход был эффективен в поиске пастбищ среди ледяного наста и в многоснежье лесотундры, в перевалке через Обскую губу, в сборе оленей к отельным пастбищам. Привычное уже большое значение имела телефонная коммуникация в расспросах и оповещении родни и соседей о снеге и льде, о потерянных и найденных оленях, о порядке перекочетов, а летом 2016 г. – о вспыхнувшей болезни. Это подтверждает адаптивность кочевников к новшествам, особенно коммуникативного и транспортного свойства, как, впрочем, и к технологическим обновлениям «оленьего прома» – переработки и реализации продукции оленеводства.

Лидеры оленеводства из рода Сэротэтто

Несмотря на испытания, ямальские ненцы сохраняют позиции самых успешных кочевников-оленьеводов мира, что само по себе служит знаком качества их системы оленеводства. Вмешиваться в нее следует скромно

и тактично, с одобрения и под руководством самих лидеров оленеводства. Ни государство, ни наука при всем их старании кочевать с оленями не умеют. Со своей стороны региональная власть, многие годы старательно поддерживавшая оленеводство в округе, вряд ли заинтересована в механическом движении на попятную. Вероятно, численность и состав стада, как и режим кочевий, следует регулировать и оптимизировать, а ненецкую экономику можно эффективно диверсифицировать (ненцы и сами уже всю этим заняты), но право на решение и маневр в ямальской тундре следует оставить за самими оленеводами.

Литература

- Головинёв А.В. К истории ненецкого оленеводства // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск: НГПИ, 1989. С. 94–108.
- Головинёв А.В. Ненцы: оленеводы и охотники // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск: СО РАН, 1997. С. 80–90.
- Головинёв А.В., Перевалова Е.В., Абрамов И.В., Куканов Д.А., Рогова А.С., Усенюк С.Г. Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры. Екатеринбург: Альфа-принт, 2015. 132 с.
- Перевалова Е.В. Интервью с оленеводами Ямала о падеже оленей и перспективах ненецкого оленеводства // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 39–49.
- Sokolov A.A., Sokolova N.A., Ims R.A., Brucker L., Ehrich D. Emergent Rainy Winter Warm Spells May Promote Boreal Predator Expansion into the Arctic // Arctic. 2016 (June). Vol. 69, no. 2. P. 121–129.

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2016 г.

Golovnev Andrei V.

YAMAL NOMADS: FACING RISKS AND MANEUVERING*

Abstract. The Nenets have abundant experience in responding to extreme natural and social challenges. Consequences of these reactions were the emergence of large-scale reindeer herding in the 16–18th centuries, the adaptation to Soviet-kolkhoz mobilizations in the 20th century, and the growth of private herds in post-Soviet time. Today Yamal is the largest center of reindeer herding in the world, and the Nenets reindeer herding is considered to be the biggest success in the ethno-cultural and economic development of the Russian Arctic. However, environmental challenges such as the ice crust in the winter of 2013–14 and the outbreak of anthrax in the summer of 2016 have provoked a discussion on Nenets reindeer husbandry ‘crisis’ that can be seen in the overgrowth of herds and overgrazing. Biologists and administrators emphasize the necessity to significantly reduce Yamal reindeer. The author of this article insists that any cuts and reforms in Yamal husbandry should be conducted and guided by the Nenets reindeer leaders who possess their own nomadic experience in managing risks and maneuvering in extraordinary situations. Disasters associated with global warming constitute constant risk today. In the ‘bad year’, when Southern tundra was covered with ice, the Nenets had to undertake some extreme maneuvers in order to save their herds. Last summer, they faced the outbreak of ‘blister disease’ (anthrax) followed by the administrative turn toward herd reduction. What is most noticeable about nomads dealing with challenges is their ability to take, often proactively, quick and decisive action. Instead of relying on outside help, a nomad starts maneuvering and seeking new opportunities on-the-go. Dynamic, rather than static states are part of the tundra ecosystem and traditional ethno-system; and the movement of reindeer herds, unlike industrial constructions, is innate to the tundra as a whole.

Keywords: Nenets, Yamal, nomads, reindeer herding, risks, maneuvers

DOI: 10.17223/2312461X/14/8

* The article is written with support from the Russian Foundation for the Humanities (project # 15-01-00442a).

References

- Golovnev A.V. K istorii nenetskogo olenevodstva, *Kul'turnye i khoziaistvennye traditsii narodov Zapadnoi Sibiri* [The cultural and economic traditions of the peoples of Western Siberia]. Novosibirsk: NGPI, 1989, pp. 94-108.
- Golovnev A.V. Nentsy: olenevody i okhotniki, *Narody Sibiri: prava i vozmozhnosti* [The peoples of Siberia: rights and opportunities]. Novosibirsk: SO RAN, 1997, pp. 80-90.
- Golovnev A.V., Perevalova E.V., Abramov I.V., Kukanov D.A., Rogova A.S., Useniuk S.G. *Kochevniki Arktiki: tekstovo-vizual'nye miniatiury* [The nomads of the Arctic: text and visual miniatures]. Ekaterinburg: Al'fa-print, 2015. 132 p.
- Perevalova E.V. Interv'iu s olenevodami lamala o padezhe olenei i perspektivakh nenetskogo olenevodstva [Interview with reindeer herders on the murrain among reindeers and the prospects for the Nenets reindeer herding], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2015, no. 2 (47), pp. 39-49.
- Sokolov A.A., Sokolova N.A., Ims R.A., Brucker L., Ehrich D. Emergent Rainy Winter Warm Spells May Promote Boreal Predator Expansion into the Arctic, *Arctic*, 2016 (June). Vol. 69, no. 2. pp. 121-129.